

АЛИСКА

ПРИРУЧИ МЕНЯ!

*Если хочешь, чтобы у тебя был друг, приручи меня.
Экзюперы*

Однажды моя дочь-восьмиклассница рассказала мне о собаке, которая якобы «пытается сама себя продать».

С этим странным созданием Аленка встретилась на так называемом Птичьем рынке, куда бегала каждое воскресенье. Там продавали всякую живность: птиц, рыб, морских свинок, собак.

По взволнованному рассказу дочери я представила себе картину этой своеобразной купли-продажи.

...Псы сидели рядом с хозяевами возле высокого каменного забора. Вздвинутые необычной обстановкой и предчувствием какого-то предательства, они нервно облаивали каждого проходящего. Да еще хозяева не заметно горячили их, как, по рассказам, цыгане когда-то горячили лошадей. Ведь чем злее собака, тем больше ей цена — будет хорошим сторожем.

Лишь одна невысказанно худая, мосластая, неухоженная овчарка сидела возле забора без хозяина. Она с завистью смотрела вслед каждому своему собрату, уходящему с новым владельцем, и тоскливые ее глаза, и нерешительно виляющий хвост, и вся ее напряженная поза говорили — нет, кричали: «Возьмите и меня, пожалуйста! Прошу вас!»

Но рынок не могло заинтересовать что-либо, не имеющее денежной стоимости. Собака, сама себя продающая или, вернее, отдающая, — это что-то непонятное и даже подозрительное. Не важно, что она вроде бы овчарка... Знаем мы таких овчарок!..

Три воскресенья приходила Аленка на рынок и каждый раз видела бедолагу на том же самом месте, у каменного забора. Лишь глаза ее становились все безнадежнее, а мослы выпирали все сильнее...

Конечно, услышав этот рассказ, мы всей семьей тут же постановили, что усыновим псину, независимо от ее, так сказать «национальности» — будь она хоть чистокровной дворнягой.

И вот мы пробираемся сквозь толпу людей и животных. Гомон, лай, щебет. Глаза у меня разбегаются.

Вдруг в кольце рвущих поводки, охрипших псов вижу на снегу небольшого, с кошку, перепуганного зверька песчаного цвета. Громадные ярко-желтые глаза, пружинистое тельце, роскошный хвост и тонкие ножки, задние в форме «икса».

Шею зверька опоясывал самодельный ошейник. Цепочку держал щуплый и тоже перепуганный подросток: получил, должно быть, дома нагоняй за непрошеного нахлебника.

Я присела на корточки и погладила зверька. Он прижал уши. «Осторожно, укусит!» — закричал подросток. Но зверек уже был у меня на руках. Сердце его отчаянно колотилось, тельце сотрясалось крупной дрожью. Еще бы! Столько переживаний для дикого зверя!

Но я не воспринимала его как «зверя» — очень уж он был несчастным. К тому же считала его детенышем. Лишь впоследствии мы с удивлением узнали, что это молодая, но вполне взрослая лисица особой степной породы — корсак.

В энциклопедии про их брата, корсака, сказано так: «Похож на обыкновенную лисицу, но меньше по размерам (длина тела 50–60 сантиметров, хвоста — 25–35 сантиметров)... Распространен в пустынях и полупустынях Азии и Юго-Восточной Европы. В СССР — от Северного Кавказа на восток до Забайкалья, на север — до 50° северной широты. Приносит большую пользу истреблением грызунов...»

В благодарность за эту «большую пользу» человечество нещадно уничтожает корсаков — к несчастью, они, как поясняет энциклопедия, «имеют промысловое значение — используется шкурка».

...Итак, испуганный корсачок оказался у меня на руках, а десятка — в руках юного бизнесмена.

Я четко отдавала себе отчет в серьезности сделанного шага. Дело было не только в тех организационных трудностях, которые вырастают как грибы, когда вы берете в цивилизованный мир существо из другого — дикого — мира и не желаете держать его в тюрьме, то есть в клетке. И не только в том пронзительном чувстве личной ответственности, которое не дает вам покоя.

Главное, что отношения с «братьями нашими меньшими» почти всегда кончаются трагически. «Другой мир» мстит тем, кто нарушает его законы.

Я хотела узнать у мальчишки, как зовут зверька, откуда он взялся, где жил, что ел. Но в это время на меня вихрем налетела Аленка, сопровождаемая тем самым псом, из-за которого мы приехали на рынок. Пес, как это ни странно, действительно оказался овчаркой и выглядел тихим, симпатичным доходягой. Он был смертельно рад, что его наконец «купили», и шел за девочкой, как приклеенный. Тут же с ходу пса нарекли Тихоней — Тихоном, Тишкой, а лису — Алисой, Алиской.

Между тем хозяина Алиски и след простыл...

Так мы никогда и не узнали, откуда она взялась, как появилась в наших северных широтах. Пришла, притопала длинными своими ножками из каких-то неизвестных краев, из смутных детских сказок...

Я шла сквозь глазающий на нас рынок, прижимая к себе дрожащую Алиску, а какая-то бойкая девчонка вертелась у меня под ногами, назойливо спрашивая: «Теть, а теть, зачем вы ее купили? На воротник, да?»

Аленка засунула под шкаф желтую куриную ногу с грозно загнутыми когтями: мы не знали еще, чем кормить Алиску, но догадывались, что она не вегетарианка.

Вскоре раздалось похрустывание. Дочка заглянула под шкаф — хруст сейчас же сменился кашлем. Мы испугались: не подавилась ли Алиска? Но вскоре стало понятно, что этот кашель — один из способов корсаков выражать свои эмоции — гнев средней степени.

Другой способ Алиска продемонстрировала, когда в комнате появилась наша Киса — взъерошенная и недоумевающая. Ее встревожил запах дикого зверя.

Алиска тут же выскочила из-под шкафа и залилась пронзительным щенячьим лаем. Это была уже высшая степень гнева.

Киса в ответ «сделала верблюда». Я поспешила унести ее, фыркающую и негодующую.

Таким же пронзительным лаем встретила Алиска и Тихоню, которого мы привели к ней для официального знакомства. Когда их везли с рынка, от волнения они не замечали друг друга. Но здесь, в комнате, получив полную свободу передвижения и пообвыкнув немного, Алиска почувствовала себя хозяйкой. Добродушный Тишка с комическим изумлением смотрел на маленькую нахалку, яростно его облаивающую. Ведь он мог пришибить ее одной лапой. И на этот раз знакомство не состоялось. Пса пришлось увести.

(Забегая вперед, скажу, что в условиях тесной московской квартиры мне так и не удалось наладить мирное сосуществование лисы, кошки и собаки. Пришлось на время отдать Кису одним знакомым, а Тишку — другим.)

...Дав должный отпор Кисе и Тихону, «победительница» стала знакомиться с мебелью — тщательно обнюхивать каждый стул, каждое кресло, каждую ножку стола. Потом она вскочила на кресло, стоящее возле окна, оперлась передними лапами на подоконник и с великим любопытством уставилась на заснеженный московский двор. Этот маневр она повторяла много раз. За окном начиналась свобода...

Я налила супа в маленькую, но глубокую керамическую пепельницу и предложила его Алиске. Она понюхала суп и выразила свое отношение к нему с предельной ясностью: присела на пепельницу и со снайперской точностью пустила в нее струйку. Мы были шокированы. Что за манеры?!

Потом я узнала, что на воле лисы всегда так метят свои кладовые. Но ведь все-таки предварительно они зарывают их в землю. А за неимением земли Алиска обходилась и без нее. Инстинкт...

Впрочем, я подозреваю, что здесь сыграло роль удивительное чувство юмора Алиски. Хулиганка много раз повторяла свой номер с «ночным горшком», но почему-то всегда только с той едой, которая ей не нравилась...

Чем становилось позднее, тем оживленнее делалась Алиска. Она белкой носилась по комнате, прыгая на стулья и спрыгивая с них. Ведь лисы — ночные животные. Но мы-то — дневные и, ложась спать, решили запереть разошедшуюся Алиску в совмещенном санузле. Однако провести наше решение в жизнь оказалось не так-то просто.

Весь день, входя и выходя из столовой, мы с панической быстротой закрывали дверь, боясь, что юркая корсачишка проскользнет в коридор, а оттуда — и в другую комнату. Вполне достаточно было того, что в столовой уже бил в нос специфический запах зверинца.

А Алиска пыталась распространиться по всей квартире и делала это со всей лисьей хитростью, настырностью и изворотливостью.

Но когда она увидела, что дверь в коридор открыта, выманить ее из столовой стало невозможно.

Я привязала к нитке кусочек мяса и, играя с Алиской, как с котенком, постепенно вытягивала приманку в коридор. Патрикеевна выбегала из столовой, но, как только кто-нибудь пытался захлопнуть дверь, легко опережала его и снова оказывалась недосыгаемой. Веселая, довольная, хорошенькая, озорно блестя раскосыми «модными» глазами и ухмыляясь раскрытой до ушей пастью, она явно насмехалась над нами.

До двух часов ночи пришлось нам «играть» с Алиской. Сложное приспособление, результат коллективно инженерной мысли, — веревка, один конец которой бы в руках у Аленки, а другой привязан к дверной ручке, тоже помогло не сразу. Алиска успевала проскользнуть в столовую раньше, чем дверь захлопывалась.

Наконец ловушка сработала. А возможно, Алиске просто надоела вся эта возня. Во всяком случае, она оказалась водворенной в совмещенный санузел.

Возбужденная приключением с Алиской, я долго не могла уснуть и в конце концов приняла снотворное.

Только стала засыпать — какой-то грохот.

Я вскочила. Мне представилась неожиданная картина. Стоя в умывальнике на задних лапах, передними Алиска методически сбрасывала с висевшей над ним стеклянной полочки то, что там стояло, — стакан с зубными щетками, зубной порошок, мыло, шампунь, одеколон, крем. Все это летело в раковину и на пол, разбиваясь, разливаясь, рассыпаясь.

Лисичка неторопливо повернулась ко мне. Ее лукавая морда была в зубном порошке. И опять она широко, от уха до уха, ухмылялась.

Я сделала необходимую уборку и вынесла в коридор все, что могло быть сдвинуто Алиской с места. Потом приняла еще две пилюли снотворного и уснула, радуясь, что теперь-то Алиска обезоружена — ей нечем греметь.

Конец ознакомительного фрагмента

Уважаемый читатель!

Размещение полного текста данного произведения невозможно в связи с ограничениями по IV части ГК РФ.

Эту книгу вы можете почитать в
Оренбургской областной универсальной
научной библиотеке им. Н.К. Крупской
по адресу: г. Оренбург, ул. Советская, 20
тел.: для справок: (3532) 77-92-66